

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ

ЗАЧЕМ ТЫ ПРИШЛА?

РОМАН

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ

ЗАЧЕМ ТЫ ПРИШЛА?

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Москва • 2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
Б 74

Богословский Р.

Б 74 Зачем ты пришла? – М.: Флюид ФриФлай, 2018. – 192 с. – (Книжная полка Вадима Левенталя).

Второй роман молодого прозаика Романа Богословского рассказывает историю любви — любви-бури, любви-наказания, любви-беды. В разрушительном огне безудержного влечения сгорают два брака, судьбы главных героев и их родных. В этой любви мало «приятного», «милого» или «трогательного». Но зато именно такие любовные сюжеты запускают механизмы эпосов, вращают колеса истории и освещают вспышками смысла человеческую жизнь.

ISBN 978-5-906827-44-9

© Р. Богословский, 2017
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018
© П. Лосев, оформление, 2018

Зачем ты пришла?

Что за снега намели тебя? Спасаясь от треска каких морозов, вошла ты в банк тогда? От чего ты хотела сбежать, вступив в мою жизнь своим замшевым сапогом? Зачем смотрела на меня придиричиво-карими глазами, чему улыбалась? И почему улыбался в ответ я?

Ты пришла по воздуху, и все земное осталось там, за дверью. Жизнь была поставлена на сигнализацию. Тобой и только тобой.

Ты села в кресло напротив меня. Веселая хитрость и желание играть не давали тебе покоя, выводили на всякие пустяшные разговоры, и ты сама себе удивлялась. Ты цепляла меня словами, а пальчики твои, словно горсть рассыпанных драже, стучали по моему столу. И я наслаждался своим конфузом: что происходит, чего хотят эти пальчики с ноготками, покрытыми бордовым лаком?

Ты говорила, я слушал не слова — дыхание. Ощущал твое движение на ощупь — шаг влево, шаг вправо, шаг прямо.

Когда ты шла прямо, я не мог больше оставаться прежним: щелкал мышкой по всем углам монитора просто так, чтобы жить. Листы и таблицы скакали взад-вперед, и ты существовала с ними в унисон: то смеялась, то подступала все ближе, глядя в глаза, наклоняясь ко мне. И грудь, обтянутая черным свитером, касалась карандаша на моем столе. И карандаш вздрагивал. Я отклонялся назад, пока позволяла спинка кресла. Мы с креслом ничего не понимали, оба. Оно протяжно пищало, а я все совал ручку себе меж бровей.

Я — банковский пиарщик, сижу в кабинете, ты пришла ко мне по работе, но почему постанывает кресло и зачем я тычу ручкой меж бровей? Давай подписывать договоры, давай выбирать лучшие рекламные места, давай... Но ты закидываешь ногу на ногу — и ручка чуть не протыкает мой третий глаз. Куда он смотрел, этот глаз, на что? Он все проморгал, близорукий.

Встречаются красивые женские ноги. Короткое платье, потом немножко ног в черных чулках, совсем чуть, лишь ободочек, затем сразу сапоги. Откуда подробности... ног? Почему я хочу видеть больше? Куда я смотрю, почему?

...Два оставшихся глаза вглядываются в мерцающий монитор, как бы говоря тебе — интереса никакого нет, не надейся. Но тебе уже пора в другие банки, автомобильные компании, строительные фирмы и бутики. Ты продавец наружной рекламы. И глаза твои отныне в наружном наблюдении за мной.

— А у вас что, в банке дресс-кода нет? Ты в джемпере и без галстука, рубашка не классическая...

— Я их обманул. Снимал по одной вещи в месяц: сначала пиджак, потом галстук. Через месяц уберу из-под джемпера и рубашку. Потом переоденусь в джинсы. В черные правильнее, типа под брюки. Изменения должны быть постепенными — тогда их не заметят.

Ты аккуратненько так засмеялась, я ответил улыбкой. И это был мой конец — я вляпался в начало. Подмышки взмокли, волосы на голове слиплись, задрожали, но ты не видела, ты уже уходила.

Через неделю ты пришла снова, и мы спустились на склад, где хранились рекламные баннеры. Я должен был выдать их тебе.

Склад и ты. Склад и я.

Я понимал: ты неприятно удивишься — думает про баннеры, все не о том. Думает о работе этот длинноволосый. И мы ходили по баннерам, плакатам, листовкам, оставляя на них отпечатки моих ботинок и ямочки от твоих шпилек. Мы делали вид,

что ищем нужные материалы, иногда касаясь друг друга пальцами. У тебя они были холодные, мои же горели — джемпер в тот день оказался слишком уж теплым. «Не уметь объясниться — что может быть хуже? Хотел стать птицей — да рожей — в лужу», — вспомнилась песня.

Объяснять на самом деле было нечего. Ты продаешь, я покупаю. Продаешь не свое, покупаю не на свои. Это и есть работа, да? Но что-то требовалось, определено. Какое-то звено выпало, не его ли мы искали под плакатами про ипотеку? Какое-то дуновение, еле видимый призрак — он прятался, скользил по углам. Что может быть хуже...

— Послезавтра у меня освободятся еще две поверхности, обе в центре. Не хочешь?

— Не знаю, денег-то больше нет у банка пока. А можно взять сейчас, а оплатить в следующем месяце?

Все это было не то, и я зачем-то заговорил о музыке. Двое на складе рекламной продукции, и я вдруг о музыке. Как трудно передать всю свою жизнь в нескольких фразах, как тяжело объяснить, что музыкант делает на этом складе, в этом банке, в этом джемпере! Хотя.... У него же есть ребенок, которого надо кормить и одевать.

Ответ про ребенка тебе понравился.

А меня все обволакивало. Я знал: мы не должны быть здесь. Оправдания про работу не работали. Все не так. Это уже не работа, хотя ничего не произошло, мы просто искали, искали, искали. Искали нужное, нащупывали, разматывая баннеры — тот или не тот? Не тот, он устарел, тут процентная ставка другая, это было в прошлом месяце. Может, этот? Нет-нет, такой кредит из линейки вообще убрали. А, так вот он, да? Цвет похож! Нет-нет-нет, этот напечатали с неверным адресом...

Ты вдруг села на корточки, приподнимая очередной баннер, и колени твои от неожиданности заходили ходуном, взбугрились. Какая непривычная худоба. Ты была вся как итальянка из моих снов — с черными волосами, в черном одеянии; ты сияла, улыбалась и не желала поскорее убраться из душного подвала, где нестерпимо воняло всякой химией, этими плакатами.

Ты рассказывала о том, что читала Свяша, я же, не зная, кто это такой, сказал, что читать — это скучно. Ты, усмехнувшись, спросила невпопад, а не приходило ли мне в голову все это отсюда украсть... Это? Отсюда? Зачем? Ты не унималась: чтобы накрывать теплицы. Но у меня нет и не было теплиц...

И глаза твои... нестерпимые, хрупкие, как капельки темного масла. Зрачки в них быстро разрас-

тались. И я подумал, что всю эту химию можно просто продать тем, у кого есть теплицы — именно это ты имела в виду? Ты уже об этом не думала. Ты сказала, пойдём, посидим в моей машине, тут очень жарко. Машина на улице, там хорошо, свежо. Ну а баннеры? А баннеры потом.

Твоя маленькая черная машинка стала нам домом, рестораном, развлекательным центром и дискотекой. Какие только драмы в ней не разыгрывались, какие только решения не принимались! Но в первый раз попав в нее, я немного оробел. Не потому, что я такой робкий, а потому, что неясно — зачем и почему я в машине у тебя.

Ты включила музыку, и мы поехали по обледенелым дорогам без всякой цели. Я то и дело поскальзывался на фразгах, машину твою тоже вело в разные стороны. Ты сидела чинно, глядя на вечерний город созревающим взглядом. А я рассматривал профиль. Так все прочерчено... Как нужно. Так все правильно... Как надо. Но это все не мое, это чье-то чужое. Вот покатаюсь — и все. И домой, целовать жену на пороге, стряхивать снег с шарфа.

Снова заговорили о музыке. Я сказал, что у тебя в машине звучит всякая дрянь. Открыл бардачок, копался в дисках без твоего разрешения. Ванесса Мэй. Первый альбом Земфиры. Какие-то романтические коллекции... Я решил записать тебе сборник

настоящей музыки. Даже если я не буду больше мчать с тобой по вечернему городу, сборник все равно запишу. И подарю. Ты не была против. И сказала, что в далекий северный городок, откуда ты родом, часто приезжали рок-группы, но помнишь ты только концерт Юрия Лозы, который, согласно твоему едкому замечанию, уже тогда был рябой и страшный.

Я сидел гордый. А ты рулила, давила ножками на педали. Такая маленькая, взрослая, но все же девочка — и вдруг умело выкруливает из сугробов. И показывает изящнейший средний палец с длинным ногтем огромным лысым мужикам в джипах. Зачем ты пришла? Что за пороша тебя намела?

— Останови, пожалуйста, у любого ларька, я пиво куплю.

— Хорошо. И мне купи.

Ты имела в виду томатный сок. Что за дикость — ты грызла сухарики, запивая их томатным соком! Я смеялся над этим, ты недоумевала — а что такого? Я предположил, что это, должно быть, довольно дурно на вкус. Но ты была невозмутима, и глаза твои вмещали все пространство вместе со мной. Ты в короткой курточке, юбочке, грызешь сухарики, запивая их томатным соком из трубочки. И все это, этот твой вид и этот хруст, обжигает меня, хрустят суставы мозга моего.

Ты была так похожа на девственную шлюху с этими сухариками. Знаешь, кто такая девственная шлюха? Она еще молода и ни с кем не спала, но грудь ее вздымается, глаз искрится, ноги сходятся и расходятся при виде подходящей мужеской особи.

А голос твой рассказывал сквозь томатный хруст о трудностях профессии продавца рекламы.

Интересно, сколько у тебя таких вот знакомых, как я? Скольких ты катаешь по городу? Это и есть вся твоя жизнь? Катать нас в своей машинке? Вопрос был слишком бестактным, и я утопил его в глотке пива. Не мое дело. Покатаюсь — и домой.

Ты вырулила на мост, и я запел: «Томатный хруст. Тома-а-а-атный хруст» — на мотив «Вечернего звона». И ты сказала с шутливым уважением, что я смешной и не такой, как все.

Как это тревожно — меня везет на машине девушка. Почему не наоборот? Эй, успокойся, в тебе и так всего много, так много, что скоро повалится, польется через край, куда тебе еще девушек возить? Вообще тогда сверхчеловек какой-то будешь, так не бывает. Ты вот ей спой что-нибудь, расскажи о тайных обществах древности, поговори с ней о философии, покажи себя. А она пусть баранку крутит, смотри, как выходит — всех мужиков сделала эта улыбочивая итальянка.

Я хотел попросить тебя, чтобы близко к дому не подъезжала — соседи, жена. Ведь не поверят, что это такси, а ты в нем таксистка. Но с неба вдруг повалило так, будто сотни небесных снеговиков вдруг разом опорожнили по огромной бочке снега, и я понял, что если даже жена выскочит сейчас в халате и подбежит к машинке вплотную, она ничего не поймет. И таксистку не увидит, и ее распутное такси тоже.

Я вышел.

Ты улыбнулась, дернула переключатель скоростей, обдала меня снегом из-под колес и уехала. А я еще долго курил, стряхивая на огромные снежные хлопья. И пепел медленно падал небольшими серыми бугорками.

— Что-то ты поздно, я уже звонить хотела. Мы только зашли, дочь твоя снежную бабу строила за домом.

— Посмотри, какой снег... Я гулял. Под ним и по нему.

Следующим утром я пришел в банк в джинсах и толстовке. Показалось, что уже пора. Коллеги в костюмах и галстуках, некоторые даже в тройках (даром что без дымящих сигар) оглядывали меня с восхищением и улыбкой. Еще бы! Им бы так! Особо наглые натуры подходили с вопросом — что,

увольняешься? Нет, отвечал. Напротив, намерен попросить прибавку.

Начальница с подружками ела жареную курицу. Огромная тарелка курятины высилась в центре стола. Услышала, что я копаюсь в кармане в поисках сигарет, вознегодовала, что я никогда не найду, не поем, не расскажу, как растет дочка, как отношения с женой, как мне работается. И правда — в этот раз я готов был зайти, ответить на все вопросы, улыбаться и даже отведать курицы, но испугался, что они увидят, как я одет. Одно дело — рабочий процесс. Когда все заняты бумагами, переговорами, телефонными звонками, можно и не заметить, в чем ходят сотрудники, но другое дело — кухня, шаговая доступность, разговор на отвлеченные темы...

— Простите, Анн Михалн, знаете же, что куриц не люблю. А ребенок — отлично. Вчера снежную бабу лепили за домом.

— Ровно в три часа ко мне с медиапланом. Принесешь всю разблядовку, распечатаешь. Будем вычеркивать ненужное.

Тогда она повычеркивала почти все, что я собирался купить у тебя на следующий месяц. Мне уже было плевать, заметит она джинсы или нет. Я стоял как пьяная пружина, покачиваясь над медиапланом, который она весь черкала жирным фломастером —

утраченного было не вернуть, а остального из-за жирноты этой не разобрать.

Ведь я же обещал тебе. Я сказал — вопросов нет, все куплю. Давай центральные улицы, давай... Но Анна Михайловна, глядя на меня тускло, с неприязнью, сквозь маленькие свои очки, стыдила меня за расточительность, разбрызгивая капельки слюны. Спрашивала, неужели я не знаю, что в мире кризис, что итальянское руководство потратило почти весь рекламный бюджет аж четырех филиалов, чтобы поставить дорогие кресла в драматический театр, а я, такой легкомысленный, взял и не использовал этот инфоповод, не позвонил в СМИ, не договорился о публикациях. Но я договорился, а все публикации лежали у нее стопкой на столе. Она стала поплевывать капельками покрупнее, говоря, что у нее нет времени просматривать какие-то там публикации, что ставка рефинансирования изменилась и теперь вообще все изменится, все мировое устройство, и далеко не только финансовое.

Ты приняла известие спокойно. Сказала, что продашь еще кому-нибудь. И меня впервые лягнуло под дых: еще кому-нибудь? А вдруг потом с этим вот кем-нибудь ты будешь кататься по городу, издавать томатный хруст, выкруливать из сугробов?

Следующие полчаса я убеждал себя в том, что я один мужчина из всех твоих покупателей. Как

только я убедил в этом не только себя, но и тебя — успокоился. И мы говорили о твоей семье, о муже, который тебе опостылел, но человек он хороший, о дочери, которая засунула себе в нос пуговицу, и пришлось вызывать врача.

Я рассматривал тебя всю и по кусочкам, в отдельности, а в голове сама собой нажалась кнопка «play», вывернулись все ручки громкости и зазвучала только одна мысль: как часто и с кем именно ты сидишь вот так вот в кабинете, а потом катаешься?

Почему ты включилась, мысль?

А ты все смотрела на меня как ни в чем не бывало, не подтверждая и не опровергая мое подозрение. Я мог бы спросить в лоб, но спрашивать такое у девушки, которая формирует твой рабочий процесс, нехорошо и глупо. Иди и спрашивай у жены. Она тебя интересуется? Вот сейчас ты сидишь в своем кабинете с этой «мисс ногу на ногу», а где твоя жена? Чем занята? С кем она? Может, поменяешь диск в башке и нажмешь «play» сам, а не кто-то за тебя?

Ты прохаживалась по кабинету, отодвигала жалюзи, рассматривала канцтовары на моем столе. Потом встала сзади, глядя в монитор. Руки положила на спинку кресла с двух сторон, словно промахнулась по моим плечам. Я закрыл рабочий файл, стал показывать тебе статью о самом себе, что-то о группе, в которой я играл и пел. Не знаю, было ли тебе

интересно, я не видел твоего лица, лишь ощущал тебя макушкой, кожа на ней вибрировала под волосами, мне даже показалось, ты можешь это видеть.

— Возьми меня как-нибудь на концерт своей группы. Что за смешное название — «Нижние земли»? Что оно означает?

— «Нижние земли»... Это ямы, выбоины, овраги, в которые, идя по жизни, человек попадает ежедневно. Это печальное название. И музыка печальная. Включить?

Банк. Вокруг деловые люди и серьезные сотрудники, а мы с тобой слушали кустарные записи «Нижних земель», потому что профессиональных у группы не было. Я просто балдел от гордости. Ты наконец увидела, услышала меня с другой стороны. Но кнопка «play» все еще была нажата в голове и диск с альбомом «С кем она еще катается по вечернему городу?» оказался нескончаемым, как альбом-эпопея, двойной, тройной, четверной. Никакие «Нижние земли» не могли заглушить эту музыку.

И мы опять катались. Ты как-то совсем уж неожиданно завела разговор о своем муже. Он прекрасный отец. Верный супруг. Хорошо зарабатывает. Но ты его не любишь. Уже давно не любишь, годы и годы. Я все это уже слышал — скучно...

— Но почему?

— Нипочему. Просто.

Каких только методов и хитростей ты не придумывала, лишь бы не ложиться с ним в постель: от банальной усталости до многочисленных дел. Но я не унимался: неужели вообще ничего, никак и давно? Ты с безразличием к вопросу дала понять, что все же было. Недавно он брал тебя силой в коридоре вашей квартиры. У него в тот день все набухло с самого утра, сказала ты, дернув щекой. Ты неохотно рассказывала об этом, будто о насилии в далеком детстве.

Но ведь тебе нужен мужчина, распалялся я, насколько при этом не имея в виду себя. И они, мужчины, поползли из тебя, словно говьяжи червячки из мясорубки.

Первым был фитнес-тренер, молодой, красивый, мускулистый. Впервые он прижал тебя к накачанной груди после одной из тренировок. Он верно прочитал тебя, твой взгляд, твой посыл, он все уловил. Фитнес-тренеры большие в этом мастаки. Ты усмехнулась мне: главная мужская мышца у него оказалась гораздо слабее и меньше остальных. И я, слушая, еле заметно стал двигать бедрами. Ты это заметила. Тебе было любопытно созерцать это шаманское проявление моего бессознательного. Я ездил по креслу — туда-сюда. Я возбуждался.

— И как же ты дальше с ним встречалась после такого разочарования?

— Очень просто: никак. Послала и все.

Да, тебе нужна была мышца, Главный Мускул. Понимание этого совпало с твоим выходом на работу. Там тебя заметил начальник — ты вызывающе танцевала на корпоративе. Он был без бугристых мышц, но главный мускул у него оказался хорош.

Впервые это случилось в новогодние каникулы. Мужу ты сказала, что едешь работать. В какой-то степени это было правдой: начальник ждал тебя в кабинете с мускулом наперевес. Он в исступлении стянул с тебя джинсы, разбросал одежду по углам кабинета. Ты отметила, что связь ваша длилась довольно долго. Он качал об тебя свой мускул в лесах, посадках, на полях, в его квартире, в его кабинете, в его машине, в твоей машине — да, вот прямо тут, где сижу я. Или сзади? Отвечай, сзади?! Или тут?! Где именно?! Вы хоть закрывали окна, чтобы случайный грибник не услышал тебя, твое грудное контрольно? Не помнишь? А ты вспомни! Прости... извини... Я сделаю музыку погромче, ничего? Спасибо.

Зачем я все это слушал? Зачем выяснял подробности и детали? Что за сладкое чувство вызывали во мне твои рассказы? Сладкое и вместе с тем обжигающее, как сознательно пролитый на ногу кипяток. В груди колело, ладони потели, губы кривились, но я слушал и слушал. Смотрел на тебя и слушал. Я никогда, никогда не буду с тобой, слышишь? Ты же просто секс-автомат для начальников и фитнес-

тренеров. Я убил бы тебя сразу после малейшего подозрения. Одерни платье, убери от меня свои ноги. Убери свои губы. И глаза убери. Выйди из машины, слышишь? Руки на капот! Ноги на ширину плеч! Тебе смешно. Ты хохочешь. Ты говоришь, что все это в прошлом. А что же в настоящем? Кто он, а? Кто в настоящем? Где он, как его зовут? Я чувствую его, ощущаю где-то рядом, он поблизости. И снова улыбка. И снова слипшиеся твои ресницы. И снова этот танцующий взгляд, самба двух зрачков. Куда, на кого ты смотришь? На него? Нет, на меня.

Мы не виделись два дня, а на третий ты приехала ко мне в банк в конце рабочего дня. Приехала злая, заплаканная. Я не хотел тебя видеть, но сам не заметил, как оказался в этой твоей машинке. Ты с ходу стала рассказывать, прерываясь на всхлипы, что муж не убирает дома, что молчит по три дня, что хочет на завтрак, обед и ужин разные блюда, а ты ведь работаешь, тебе некогда. Ты говорила, что он ходит из комнаты в комнату, злой, в напряге. Тебе неприятно, когда он пьет чай. Тебе плохо, когда он включает телевизор. Ты убегаешь в спальню и закрываешься там с дочерью, когда он пытается обнять тебя. Дочь — спасение. Он не посмеет, когда дочь рядом. Ты не знаешь, как прожила с ним пять лет под одной крышей. Ты ничего не понимаешь, но кое-что помнишь:

- Ведь я так любила его первые два года!
- Успокойся! Не дрожи... Еще полюбишь...

Ничего более глупого я сказать и не мог. Я не понимал тебя.

Я любил Светку не в прошлом, а сейчас. Ну, изменил пару раз по глупой пьяности после концерта — и что? Ведь любил же. Твой далекий муж при деньгах и ты сама — вы оба меня раздражали своими пустяшными проблемами. У вас все есть, так что же нужно от меня? Зачем я в вашей жизни с разными блюдами на завтрак, обед и ужин? Мне не нужно разнообразие. Мне стало жаль тебя, и я накрыл твою ладонь своей. Твое ухоженное личико повернулось ко мне в обомлевшем каком-то бессилии, в смутном желании неизвестно чего... То ли желание это было, то ли надежда на... что? Забыв про мужа, ты напомнила, что я обещал тебе диск.

И вот наши первые поцелуи на морозе.

Мы приехали в сквер, я вытащил тебя из машинки и стал целовать, сжимая при этом худющую спину так, что лопатки твои съехали со своих обычных мест. Но почему мы так долго ждали? Точнее — я ждал. Ведь ты была готова еще тогда, в подвале с рекламной продукцией. Я долго ждал потому... Я пытался исторгнуть тебя, как только мог. Я смотрел в глаза жены своей и читал в них, насколько сильна моя неприязнь к тебе. Ты не нужна в нашем

мире. Ты пришла... какая-то лишняя, с подкрашенным помадой смехом, как полоумная фея.

Вечерами я всматривался в темную зиму за окном и не понимал, как ты оказалась рядом. А Светка подходила сзади, обнимала и спрашивала, чего я там, в темноте, высматриваю. Я улыбался и целовал ее в макушку, пахнущую орехами. А потом мы укладывали детей — и качалась луна, и ходила ходуном картина, подаренная отцом мне на день рождения. И когда Светка засыпала, я снова смотрел в тихую ночь. А теперь этот ледяной поцелуй на морозе — тягучий, мягкий, узел из теплых языков.

Твой вопрос о том, почему я не сделал этого раньше, вырвался вместе с паром, растопив мороз вокруг нас:

— Ты приходил, садился в машину и уходил! Пришел, позевал и ушел. Я не нужна тебе. Вот и все.

— Да, вот и все. Вот увидишь, в январе все закончится, я тебе обещаю. Еще ничего и не начиналось.

Почему я сказал «в январе»? Непонятно. Мы схватили друг друга еще крепче, и новый поцелуй превратил все сказанное в глупый фарс. Мои глаза были открыты, я покусывал твои губы и смотрел на сугробы, по которым каждые выходные катал на санках дочь и где мы со Светкой жгли большие зимние костры. Здесь, на земле, где моя семья обретала саму себя, заливаясь смехом и играя в снежки, сто-

ишь теперь ты, дрожишь в моих руках, глаза твои закрыты, холодный нос щекочет мне щеку. И я стал покусывать твои губы с остервенением, с обвинениями, с раздражением. Я целовал тебя, словно пойманную в лапы вину свою — нелепую, досадную. Все, чего мне хотелось, — это побыстрее уйти, бежать, хотелось, чтобы ты сейчас же уехала и я никогда не увидел бы тебя вновь.

Но поцелуй все тянулся, скрипел под ногами снег, чернело низкое небо, и волосы твои выбивались из-под капюшона.

Потом ты сказала, что вчера чуть не случилось горе. Начальник настиг тебя, а ведь ты давно дала ему понять, что все кончено. К счастью, ты дала достойный отпор в виде какой-то унижающей мужское достоинство шутки. И вообще — ты уходишь на другую работу.

Мне было все равно. Я хотел поскорее убраться из твоей элегантной машинки. Я схватился за ручку, чтобы выбраться, чтобы не видеть тебя больше. Но ты засмеялась, вспоминая наш поцелуй. Ты с остервенением спросила, не заподозрила ли чего жена, не учуяла ли запаха чужой бабы? А то было дело, сказала ты, что однажды пришла домой после этого самого начальника вся пропахшая его одеколоном... В этот вечер муж ходил по дому почти согнувшись, смотрел в пол, не просил блюд и не тянул руки

к тебе. А тебе не пришлось закрываться в спальне с дочерью, и ты спокойно посмотрела новости, а потом еще и фильм.

С каким пренебрежением ты это рассказывала! С какой хвастливой радостью! Каким досадным малодушием было для тебя мучение другого! Нет, слышишь? Никогда, никогда, только не с тобой. Короткое платьице, чулочки, сапожки, вот эти вот скулы, смуглое личико, эти губы — все это деланный образ, нужный для одного — лгать, предавать, пережевывать и плевать все, что сию секунду надоело, стало вдруг чужим и лишним.

— Отвези меня, пожалуйста, домой. Там родственники приехали, ужинать сейчас будем.

— Посмотри — у меня что-то в глазу...

Ты включила в машинке свет и молниеносно, словно безумный злой дух, придвинула лицо свое прямо к моему, распахнув один глаз. И я смотрел в него. И он не мигал, зрачок стоял, застыл. Я видел красные прожилки, словно начертанную дорогу судьбы, млечный мой путь. Глаз моргнул и заслезился. Он смотрел и смотрел на меня. Потом ты стала шевелить зрачком, словно он неваляшка — вверх-вниз, вправо-влево. Крупная слеза, образовавшись на пустом месте, выпала из глаза. В полутьме показалось, что и зрачок упал вместе с ней. Но нет, он на месте. Он снова смотрел на меня, но теперь вздраги-

вал. Я сказал тебе, что ничего не вижу, никакой соринки, и бревна тоже нет. Все чисто, все хорошо. Так ты останешься со мной еще ненадолго, спросила ты с нескрываемой радостью. И я остался еще на час.

Родственники, про которых я соврал, сидели и смиренно ждали меня у порога. А чуть за полночь — растворились в морозном воздухе.

В конце зимы пришел конец моей работе в банке. Управляющая вызвала меня и, помявшись, сказала, что все, что кризис, что первыми сокращают маркетологов и пиарщиков, ведь денег на покупку рекламы все равно нет. Она даже немного поплакала — видно было, ей жаль со мной расставаться, несмотря на стабильно и нагло нарушаемый мною дресс-код.

Вышел из банка в вечерний февраль с двумя пакетами в руках: ручки, карандаши, телефонная зарядка, сменная обувь, кружка, фотография дочки — вот и все. В кармане последняя зарплата, перед глазами склизь, лужи и грязные автобусы, снующие туда и сюда. Все, нету больше дресс-кода, ты выиграл, сказал себе, закурил и поехал домой, чтобы рассказать новость Светке.

В магазине у дома купил бутылку водки и тортик дочке. Светка успокаивала, гладила по плечам, во-

Литературно-художественное издание

Роман Богословский

Зачем ты пришла?

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 11.11.2017. Формат 76x108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2

тел.: (985) 8000 366

www.fluidfreefly.ru

e-mail: info@fluidfreefly.ru,

levental.bookshelf@gmail.com